

Александр Иванович Куприн

Обида

Александр Куприн

Обида

«Public Domain»

1906

Куприн А. И.

Обида / А. И. Куприн — «Public Domain», 1906

«Был июль, пять часов пополудни и страшная жара. Весь каменный огромный город дышал зноем, точно раскаленная печь. Белые стены домов сияли нестерпимо для глаз. Асфальтовые тротуары размягчились и жгли подошвы. Тени от акаций простерлись по плитяной мостовой, жалкие, измученные, и тоже казались горячими. Бледное от солнечных лучей море лежало неподвижно и тяжело, как мертвое. По улицам носилась белая пыль...»

Содержание

Александр Иванович Куприн

Обида

Истинное происшествие

Был июль, пять часов пополудни и страшная жара. Весь каменный огромный город дышал зноем, точно раскаленная печь. Белые стены домов сияли нестерпимо для глаз. Асфальтовые тротуары размягчились и жгли подошвы. Тени от акаций простерлись по плитяной мостовой, жалкие, измученные, и тоже казались горячими. Бледное от солнечных лучей море лежало неподвижно и тяжело, как мертвое. По улицам носилась белая пыль.

В это время в одном из частных театров, в фойе, заканчивала свою Очередную работу небольшая комиссия из местных адвокатов, которая взялась бесплатно вести дела жителей, пострадавших от последнего еврейского погрома. Их было девятнадцать человек, все помощники присяжных поверенных, люди молодые, передовые и добросовестные. Заседание не требовало никакой нарядности, и потому преобладали легкие, пикейные, фланелевые и люстриновые костюмчики. Сидели, где кому пришлось, по двое и по трое, за мраморными столиками, а председатель помещался за пустующим прилавком, где раньше, еще зимой, продавались конфеты.

Зной, лившийся в открытые окна вместе с ослепительным светом и уличным грохотом, совсем изморил молодых адвокатов. Заседание велось лениво и немного раздраженно.

Высокий молодой человек с белыми усами и редкими волосами на голове, председатель собрания, сладострастно мечтал о том, как он поедет сейчас на новом, только что купленном велосипеде на дачу и как он быстро разденется и, еще не остывший, потный, бросится в чистое, благоуханное, прохладное море. При этих мыслях все его тело расслабленно потягивалось и вздрагивало. В то же время, нетерпеливо передвигая перед собою бумаги, он говорил вялым голосом:

– Итак, господа, дело Рубинчика ведет Иосиф Морицович. Может быть, у кого-нибудь есть еще заявления к порядку дня?

Самый младший товарищ-маленький, толстенький, очень черный и очень живой караим – произнес вполголоса, но так, что его все услышали:

– К порядку дня теперь самое лучшее квас со льдом...

Председатель взглянул на него строго, вбок, но сам не мог удержаться от улыбки. Он уже вздохнул и даже положил обе руки на стол, чтобы подняться и объявить заседание закрытым, как театральный сторож, стоявший у дверей, вдруг отделился от них и сказал:

– Ваше благородие... там пришли каких-то семь. Просют впустить.

Председатель нетерпеливо обежал глазами товарищей.

– Господа, как? Послышались голоса:

– К следующему заседанию. Баста.

– Пусть изложат письменно...

– Да ведь, если скоро. Решайте поскорее.

– А ну их! Фу ты, господи, какое пекло!

– Пустите их, – раздраженно кивнул головой председатель. – И потом, пожалуйста, принесите мне нарзану! Только холодного, будьте добры.

Сторож открыл дверь и сказал в коридор:

– Пожалуйте. Разрешили.

И вот в фойе, один за другим, вошло семь самых неожиданных, самых неправдоподобных личностей. Сначала показался некто рослый, самоуверенный, в щегольской сюртучной паре цвета морского песка, в отличном белье – розовом с белыми полосками, с пунцовой розой в

петличке. Голова у него, глядя спереди, была похожа формой на стоячий боб, а сбоку – на лежащий. Лицо украшалось крутыми, воинственными толстыми усами и остренькой модной бородкой. На носу темно-синее пенсне, на руках палевые перчатки, в левой руке черная с серебром трость, в правой – голубой носовой платок.

Остальные шестеро производили странное, сумбурное и пестрое впечатление. Точно все они впопыхах перемешали не только одежды, но и руки, и ноги, и головы. Здесь, был человек с великолепным профилем римского сенатора, но облаченный почти в лохмотья. Другой носил на себе франтовской фракный жилет, из-за круглого выреза которого пестрела грязная мало-русская рубашка. Здесь были асимметричные лица арестантского типа, но глядевшие с непоколебимой самоуверенностью. И все эти люди, несмотря на видимую молодость, очевидно, обладали большим житейским опытом, развязностью, задором и каким-то скрытым подозрительным лукавством.

Барин в песочном костюме свободно и ловко поклонился, головой и сказал полувопросительно:

– Господин председатель?

– Да, это я, – ответил тот. – Что вам угодно?

– Мы, вот все, кого вы перед собою видите, – начал барин спокойным тоном и, обернувшись назад, обвел рукой своих компаньонов, – мы являемся делегатами от соединенной Ростовско-Харьковской и Одесса-Николаевской организации воров.

Юристы зашевелились на своих местах. Председатель откинулся назад и вытаращил глаза.

– Организации кого-о? – спросил он врасстяжку.

– Организации воров, – повторил хладнокровно джентльмен в песочном костюме. – Что касается до меня, то мои товарищи сделали мне высокую честь, избрав меня представителем делегации.

– Очень... приятно, – сказал председатель неуверенно.

– Благодарю вас. Все мы семеро суть обыкновенные воры, конечно, разных специальностей. И вот организация уполномочила нас изложить перед вашим почтенным собранием, – джентльмен опять сделал изящный поклон, – нашу почтительную просьбу о помощи.

– Я не понимаю, собственно говоря, какое отношение... – развел руками председатель. – Но, однако, прошу вас, продолжайте.

– Дело, с которым мы имеем смелость и честь обратиться к вам, милостивые государи, – дело очень ясное, очень простое и очень короткое. Оно займет не более шести-семи минут времени, о чем считаю долгом заранее предупредить ввиду позднего времени и тридцати семи градусов, которые показывает Реомюр в тени. – Оратор слегка откашлялся и поглядел на отличные золотые часы. – Видите ли: за последнее время в местных газетах, в отчетах о прискорбных и ужасных днях последнего погрома, довольно часто стали появляться указания на то, что в число погромщиков, науськанных и нанятых полицией, в это отребье общества; состоявшее из пропойц, босяков, сутенеров и окраинных хулиганов, входили также и воры. Сначала мы молчали, но, наконец, сочли себя вынужденными, протестовать пред лицом всего интеллигентного общества против такого несправедливого и тяжкого обвинения. Я хорошо знаю, что с законной точки зрения мы – преступники и враги общества. Но вообразите себе хоть на одно мгновение, господа, положение этого врага общества, когда его обвиняют огулом и за то преступление, которого он не только не совершал, но которому готов противиться всеми силами души. Несомненно, ведь несомненно, что обиду от такой несправедливости он почувствует гораздо острее, чем средний, благополучный, нормальный обыватель. Так вот, мы и заявляем, что обвинение, взведенное на нас, лишено всякой не только фактической, но и логической подкладки. Это я и намерен доказать в двух словах, если почтенное собрание соизволит меня выслушать.

– Говорите, – сказал председатель.

– Просим, просим, – раздалось среди оживившихся адвокатов.

– Приношу вам мою искреннюю благодарность от лица всех наших товарищей. Поверьте, вы никогда не раскаетесь в вашем внимании к представителям нашей./, ну, да, скажем, скользкой, но в то же время несчастной и нелегкой профессии. Итак, мы начинаем, как поет Джиральдони в прологе из «Паяцев».

Кстати, я попрошу у господина председателя позволения немного утолить жажду. Сторож, принеси-ка мне, братец, лимонаду и рюмку английской горькой! Не буду говорить, милостивые государи, о нравственной стороне нашего ремесла и о его социальном значении. Вам, без сомнения, лучше меня известен удивительный, блестящий парадокс Прудона: «Собственность-это воровство», парадокс, как хотите, а все-таки до сих пор не опрокинутый никакими причитаниями трусливых мещан и жирных попов. Пример. Отец – энергичный и умный хищник – скопил миллион и оставляет его сыну, рахитическому, бездеятельному и невежественному балбесу, вырождающемуся идиоту, безмозглому червю, истинному паразиту. Миллион рублей – это в потенциале миллион рабочих дней, а стало быть, – право ни с того ни с сего на труд, пот, кровь и жизнь страшной уймы людей. Зачем? За что? Почему? Совсем неизвестно. Итак, господа, отчего же не согласиться с тем положением, что наша профессия является до известной степени как бы поправкой к чрезмерному накоплению ценностей в одних руках, служит протестом против всех тягостей, мерзостей, произвола, насилия, пренебрежения к человеческой личности, против всех этих уродств, порожденных буржуазно-капиталистическим строем современного общества? Социальная революция рано или поздно все равно перевернет этот порядок. Собственность отойдет в область печальных воспоминаний, и тогда – увы! – сами собой исчезнем с лица земного и мы – *les braves chevaliers d'industrie*¹.

Оратор остановился и, взяв из рук подошедшего сторожа поднос, поставил его около себя на столик.

– Виноват. Одну минутку. Получи, братец, и кстати, когда отсюда выйдешь, то притвори за собою покрепче дверь.

– Слушаю, ваше сиятельство! – гаркнул радостно сторож.

Оратор отпил полстакана и продолжал:

– Однако в сторону философскую, экономическую и социальную сторону вопроса. Не желая утруждать вашего внимания, я должен, однако, заявить, что наше занятие очень близко подходит к понятию того, что зовется искусством, потому что в него входят все элементы, составляющие искусство: призвание, вдохновение, фантазия, изобретательность, честолюбие и долгий, тяжкий искус науки. В нем – увы! – отсутствует только добродетель, о которой писал с такой блестящей и пламенной увлекательностью великий Карамзин.

Милостивые государи, я далек от мысли буффонить перед таким почтенным собранием или отнимать у вас драгоценное время бесцельными парадоксами. Но не могу не подтвердить хоть кратко мою мысль. Чужому уху нелепо, дико и смешно слышать о воровском призвании. Однако смею вас уверить, что такое призвание существует. Есть люди, которые, обладая особенной силой зрительной памяти, остротой и меткостью глаза, хладнокровием, ловкостью пальцев и в особенности тонким осязанием, как будто бы специально рождены на свет божий для того, чтобы быть прекрасными шулерами. Ремесло карманного вора требует необыкновенной юркости и подвижности, страшной точности движений, не говоря уже о находчивости, наблюдательности, напряженном внимании. У некоторых есть положительное призвание владеть денежными кассами: от самого нежного детства их влекут к себе тайны всяческих сложных механизмов: велосипедов, швейных машин, заводных игрушек, часов. Наконец, господа юристы, есть люди с наследственной враждой собственности. Вы называете это явление вырождением – как вам угодно. Но я скажу, что истинного вора, вора по призванию, не переманишь в

---

¹ здесь – крупные авантюристы – *фр.*

будни честного прозябания никакими пряниками: ни хорошо обеспеченной службой, ни даровыми деньгами, ни женской любовью. Ибо здесь постоянная прелесть риска, увлекательная пропасть опасности, замирание сердца, буйный трепет жизни, восторг! Вы вооружены покровительством закона, замками, револьверами, телефонами, полицией, войсками, – мы же только ловкостью, хитростью и смелостью. Мы – лисы, а общество – это курятник, охраняемый собаками. Известно ли вам, что в деревнях самые художественные, самые одаренные натуры идут в конокрады и в браконьеры-охотники? Что делать: жизнь до сих пор была так скудна, так плоска, так невыносимо скучна для пылких сердец!

Но я перехожу к вдохновению. Без сомнения, вам, милостивые государи, приходилось читать о сверхъестественных по своему замыслу и выполнению кражах? Их в газетах, в рубрике происшествий, обыкновенно озаглавливают: «грандиозное хищение», или «гениальная мошенническая проделка», или еще «ловкая проделка аферистов». В этих случаях буржуазные отцы семейства разводят руками и восклицают: «Какое печальное явление! Если бы изобретательность этих отщепенцев, их удивительное знание людской психологии, их самообладание и смелость, их несравненные актерские способности, – если бы все это обратить в добрую сторону! Сколько пользы принесли бы эти люди отечеству!» Но давно известно, милостивые государи, что буржуазные отцы семейств созданы творцом небесным для того, чтобы говорить общие места и пошлости. Мне самому иногда приходится... – что ж, сознаюсь, мы, воры, народ сентиментальный, – приходится где-нибудь в Александровском парке или на морском берегу любоваться прекрасным закатом. И я всегда заранее уверен, что кто-нибудь непременно около меня скажет с апломбом: «А вот, поди, нарисуй так художник, – никто никогда не поверит!» Тогда я оборачиваюсь и, конечно, вижу самодовольного, откормленного отца семейства, который, сказав чужую глупость, радуется на свою собственную. Что же касается до любезного отечества, то буржуазный отец семейства смотрит на него, как на жареного индюка: урвал кусок послаще и ешь его потихоньку в укромном месте, и славь бога. Но, собственно, и не в нем дело. Ненависть к пошлости отвлекла меня, и я прошу прощения за лишние слова. Но дело в том, что гений и вдохновение, хотя бы они были обращены и не на пользу православной церкви, все-таки остаются редкими и прекрасными вещами. Все идет вперед, и в воровстве есть свое творчество.

Наконец наше ремесло вовсе не так уж легко и весело, как это кажется с первого взгляда. Оно требует долговременного опыта, постоянных упражнений, медленной и мучительной тренировки. Оно заключает в себе сотни гибких, осторожных приемов, недоступных самому ловкому фокуснику. Но, не желая быть голословным, я, милостивые государи, сейчас произведу перед вами несколько опытов. Прошу вас быть покойными за исполнителей. Все мы в настоящее время находимся на легальной свободе, и хотя за нами, по обыкновению, следят и нас знают наперечет в лицо, и наши фотографии украшают альбомы всех сыскных отделений, но покамест нам нет надобности скрываться ни от кого. Если же впоследствии вы узнаете кого-либо из нас при иных обстоятельствах, то, пожалуйста, мы вас об этом усиленно просим, поступайте всегда сообразно с тем, что вам велят профессиональный долг и обязанности гражданина. Мы же, в благодарность за ваше внимание, решили объявить вашу частную собственность неприкосновенной, облечь ее воровским табу. Однако к делу.

Обернувшись назад, оратор приказал:

– Сысой Великий, прошу.

Огромный сутуловатый малый, с руками по колени, человек без лба и без шеи, похожий на заспанного ярмарочного геркулеса, выдвинулся вперед. Он тупо улыбался и от смущения почесывал левую бровь.

– Та тут нема чого робить, – сказал он сипло.

Но за него заговорил джентльмен в песочном костюме, обращаясь к собранию:

– Милостивые государи. Перед вами один из почтенных членов нашей организации. По специальности он взламыватель сундуков, железных касс и других хранилищ денежных знаков. Иногда при своих вечерних занятиях он пользуется для расплавки металла электрическим током от осветительных проводов. К сожалению, здесь ему не на чем показать лучшие номера своего искусства. Всякую дверь, с самым сложным замком, он отпирает безукоризненно. Кстати, вот эта дверь, должно быть, заперта?

Все обернулись назад к двери, на которой висел печатный плакат: «Вход за кулисы посторонним лицам строго воспрещен».

– Да, эта дверь, по-видимому, заперта, – подтвердил председатель.

– И чудесно. Сысой Великий, будьте любезны.

– Та це ж пустое дило, – сказал великан лениво и пренебрежительно. Он подошел к двери, потряс ее сначала осторожно рукой, потом вытащил из кармана какой-то маленький блестящий инструмент, сделал им, нагнувшись к замку, несколько почти незаметных движений и вдруг, выпрямившись, распахнул дверь быстро и бесшумно. Председатель следил за ним с часами в руках: все дело заняло не более десяти секунд.

– Благодарю вас, Сысой Великий, – сказал вежливо джентльмен в песочном костюме. – Вы можете идти на место.

Но председатель взразил с некоторой тревогой:

– Виноват. Все это интересно и очень поучительно, но... скажите, входит ли в профессию вашего уважаемого коллеги также и искусство затворять двери?

– Ah, mille pardons!² – торопливо поклонился джентльмен. – Я упустил это из виду. Сысой Великий, будьте добры...

Дверь была так же ловко и бесшумно заперта. Уважаемый коллега, переваливаясь и усмехаясь, возвратился к своим друзьям.

– Теперь я буду иметь честь показать вам искусство одного нашего товарища, оперирующего по части карманных краж в театрах и на вокзалах, – продолжал оратор. – Он еще чрезвычайно молод, но по его тонкой работе вы можете до известной степени судить о том, что из него выйдет впоследствии при некотором прилежании. Яша!

Смуглый юноша в синей шелковой рубаше и лакированных сапогах, похожий на цыгана, развязно вышел вперед и остановился около оратора, поигрывая кистями пояса и весело щуря большие, с желтыми белками, наглые черные глаза.

Джентльмен в песочном костюме сказал искательно:

– Господа... я принужден попросить... не согласится ли кто-нибудь... подвергнуть себя маленькому опыту. Уверяю вас, что это будет только пример, так сказать, игра...

Он обводил сидящих глазами. Маленький, толстенький черный, как жук, караим вышел из-за своего столика.

– К вашим услугам, – сказал он смешливо.

– Яша! – кивнул головой оратор.

Яша подошел вплотную к адвокату. Теперь на левой, согнутой руке висел у него блестящий, шелковый, узорчатый фуляр.

– Ежели, примерно, в церкви, или, скажем, в буфете в театре, или тоже в цирке... – начал он сладенькой скороговоркой, – сейчас вижу, это идет фрейер... извините, господин, вот хоть бы вы... фрейер – тут ничего нет обидного: просто богатый господин, который приличный и ничего не понимает. Первым делом: какие могут быть предметы? Предметы самые разнообразные. Обыкновенно сначала часы с чепочкой. Опять-таки – где? Некоторые носят в верхнем кармане жилеточки – вот здесь, некоторые в нижнем – вот тут. Портомонет же почти всегда лежит в брючных карманах. Разве уж какой совсем ёлод положит в пиджак. Затем – порцыгар.

---

² Ах, тысячу извинений! – фр.

Натурально, прежде поглядишь, какой: золотой или серебряный с монограмом, а из кожаного кто же станет мараться, если себя уважаешь? Порцыгар может быть в семи карманах: здесь, здесь, здесь, вот здесь, здесь, там и тут. Не так ли-с? Сообразно с тем и оперируешь.

Говоря таким образом, молодой вор улыбался, блестел глазами прямо в глаза адвокату и быстрыми, ловкими движениями правой руки указывал на разные места в его одежде.

– Опять-таки может обращать внимание и булабочка вот тут-с, в галстучке. Однако мы избегаем присвоять. Теперь такой народ пошел, что редко из мужчин носят настоящие камушки. И вот я подхожу-с. Сейчас обращаюсь по-благовоспитанному: господин, дозвоьте прикуриться или еще что-нибудь, одно слово, завожу разговор. Первое дело что? Первым делом гляжу ему прямо в зеньки, вот так, а работают у меня только два пальца: вот этот-с и вот этот-с.

Яша поднял в уровень своего лица два пальца правой руки, указательный и средний, и пошевелил ими.

– Видали? Вот этими двумя пальцами вся музыка и играет. И, главное, ничего тут нет удивительного: раз, два, три – и готово! Всякий неглупый человек может весьма легко выучиться. Вот и все-с. Самое обыкновенное дело. Мое почтение-с.

Вор легко повернулся и пошел было на место.

– Яша! – веско и многозначительно произнес джентльмен в песочном костюме. – Я-ша! – повторил он строго.

Яша остановился. Он был спиной к адвокату, но, должно быть, о чем-то красноречиво упрашивал глазами своего представителя, потому что тот хмурил брови и отрицательно тряс головой.

– Яша! – в третий раз с выражением угрозы произнес он.

– Эх! – крикнул досадливо молодой вор и нехотя повернулся опять лицом к адвокату. – А где же ваши часики-то, господин? – произнес он тонким голосом.

– Ах! – схватился караим.

– Вот видите, теперь – ах! – продолжал Яша укоризненно. – Вы все время на мою правую ручку любовались, а я тем временем ваши часики левой ручкой соперировал-с. Вот именно этими двумя пальчиками. Из-под кашны-с. Для того и кашну носим. А как у вас чепка нестоящая, шнурок, должно быть, на память от какой мамзели, а часики золотые, то я чепку вам оставил в знак предмета памяти. Получайте-с, – прибавил он со вздохом, протягивая часы.

– Однако ловко! – сказал смущенный адвокат. – Я и не заметил.

– Тем торгуем, – заметил Яша с гордостью.

Он развязно возвратился к своим товарищам. Оратор между тем отпил из стакана и продолжал:

– Теперь, милостивые государи, следующий из наших сотрудников покажет вам несколько обыкновенных карточных вольтов, которые в ходу на ярмарках, на пароходах и на железных дорогах. С помощью трех карт, например, дамы, туза и шестерки, он весьма удобно... Впрочем, может быть, господа, вас утомили эти опыты?

– Нет, все это крайне интересно, – любезно ответил председатель. – Я бы хотел только спросить, – если, конечно, – мой вопрос не покажется вам нескромным, – ваша специальность?

– Моя... гм... нет, отчего же нескромность?.. Я работаю в больших бриллиантовых магазинах, а другое мое занятие – банки, – со скромной улыбкой ответил оратор. – Нет, вы не думайте, что мое ремесло легче других. Достаточно того, что я знаю четыре европейских языка: немецкий, французский, английский и итальянский, не считая, понятно, польского, малорусского и еврейского. Так как же, господин председатель, производить ли дальнейшую демонстрацию?

Председатель взглянул на часы.

– К сожалению, у нас слишком мало времени, – сказал он. – Не перейти ли нам лучше к самой сути вашего дела? Тем более что опыты, которых мы были только что свидетелями, в

достаточной мере убеждают нас в ловкости ваших почтенных сочленов. Не правда ли, Исаак Абрамович?

– О да, совершенно! – подтвердил с готовностью адвокат-караим...

– И прекрасно, – любезно согласился джентльмен в песочном костюме. – Графчик, – обратился он к курчавому блондину, похожему на маркера в праздник, – спрячьте вашу машинку, она не нужна больше. Мне осталось, господа, всего несколько слов. Теперь, когда вы удостоверились в том, что наше искусство хотя и не пользуется просвещенным покровительством высокопоставленных особ, но оно все-таки – искусство; когда вы, может быть, согласились со мною, что это искусство требует многих личных качеств, кроме постоянного труда, опасностей и неприятных недоразумений, – вы, надеюсь, поверите также, что к нашему искусству можно пристраститься и – как это ни странно с первого взгляда – любить и уважать его. Теперь представьте себе, что вдруг известному, талантливому поэту, легенды и поэмы которого украшают лучшие наши журналы, вдруг ему предлагают написать в стихах, по три копейки за строчку и притом за полной подписью, рекламу для папирос «Жасмин»? Или кого-нибудь из вас, блестящих и знаменитых адвокатов, вдруг оклеветали в том, что вы промышляете лже-свидетельством по бракоразводным делам, или пишете в кабаках прошения к градоначальнику для извозчиков? Конечно, ваши родные, друзья и знакомые не поверят этому, но слух уже отравил вас, и вы переживаете мучительные минуты. А теперь представьте себе, что такая позорная, неизвестно кем пущенная клевета грозит не только вашему доброму имени и спокойному пищеварению, но угрожает вашей свободе, вашему здоровью, даже вашей жизни?

В таком именно положении находимся мы, оклеветанные газетами воры. Я должен оговориться. Существует категория прохвостов – *passez moi le mot*³, – которых мы называем маменькиными сынками и с которыми нас – увы! – смешивают. Это люди без стыда и без совести, промотавшаяся шушера, именно маменькины оболтусы, ленивые и неуклюжие дармоеды, неумело проворовавшиеся приказчики. Ему ничего не стоит жить на счет своей любовницы-проститутки, подобно самцу рыбы макрели, которая плавает за самкой и питается ее извержениями; он способен обобрать и обидеть ребенка в темном переулке, чтобы отнять у него три копейки; он убьет спящего и будет пытать старуху. Эти люди – язва нашего ремесла. Для них не существует ни прелестей, ни традиции искусства. Они следят за нами, за настоящими, ловкими ворами, как шакалы за львом. Положим, мне удалось сделать большое дело. Не говоря уже о том, что при продаже вещей или при промене билетов я оставляю в руках ростовщиков до двух третей всей суммы, не говоря даже об обычных подачках неподкупной полиции, – я должен еще уделить некоторую часть каждому с из этих паразитов, который хоть мельком, случайно, понаслышке знает о моем деле. Мы их так и называем: мотиенты, от слова «мотя», что значит – половина, испорченное – *moitie*... своеобразная филология. Я даю только за то, что он знает и может донести. И чаще всего бывает так, что, воспользовавшись своею частью, он все-таки мгновенно бежит в полицию и доносит на меня, чтобы заработать еще пять рублей. Мы, честные воры... да, да, смейтесь, господа, я все-таки говорю: мы, честные воры, презираем этих гадов. У нас есть для них еще одна кличка, позорная, как клеймо, но я не смею ее выговорить здесь из уважения к месту и людям. О да, они услужливо примут приглашение идти на погром; но одна мысль о том, что нас могут смешать с ними, в сто раз обиднее для нас, чем самое обвинение в погроме.

Милостивые государи! До сих пор, пока я говорил, я часто замечал на ваших лицах улыбки. Я понимаю вас: наше присутствие здесь, наше обращение к вашей помощи, наконец самая неожиданность такого явления, как систематическая воровская организация, с делегатами-ворами и уполномоченным от делегации – воров-профессионалом, все это настолько

---

³ Простите мне это слово – *фр.*

оригинально, что не может не вызвать улыбки. Но теперь я буду говорить от глубины моего сердца. Сбросимте, господа, внешние оболочки. Люди говорят к людям.

Почти все мы грамотны и все любим чтение и читаем не только «Похождения Рокамболя», как пишут о нас наши бытописатели. Или, вы думаете, у нас не обливалось кровью сердце и не горели щеки, как от пощечин, от стыда за все время этой несчастной, позорной, проклятой, подлой войны? И неужели вы думаете, что у нас не пылают души от гнева, когда нашу родину полосуют нагайками, топчут каблуками, расстреливают и плюют на нее дикие, остервенелые люди? Неужели вы не поверите тому, что мы – воры – с трепетом восторга встречаем каждый шаг грядущего освобождения?

Каждый из нас понимает, – разве немногим хуже, чем вы, господа адвокаты, – истинную суть погромов. Каждый раз, после крупной подлости или постыдной неудачи, совершив ли казнь мученика в темном крепостном закоулке, передернув ли на народном доверии, кто-то скрытый, неуловимый пугается народного гнева и отводит его русло на головы неповинных евреев. Какой дьявольский ум изобретает эти погромы – эти гигантские кровесосные банки, эти каннибальские утехы для темных, звериных душ?

Но все мы отлично видим, что наступают последние судороги бюрократии. Простите, я расскажу образно. У одного народа был главный храм, и в нем за занавеской, охраняемой жрецами, обитало кровожадное божество. Ему приносились человеческие жертвы. Но вот однажды смелые руки сорвали завесу, и все тогда увидели, вместо бога, огромного, мохнатого, прожорливого паука, омерзительного спрута. Его бьют, в него стреляют, его уже расчленили на куски, но, он все-таки в бешенстве последней агонии простирает по всему, древнему храму свои гадкие, цепкие щупальцы. И жрецы, сами приговоренные к смерти, толкают в лапы чудовища всех, кого захватят их дрожащие от ужаса пальцы.

Простите. То, что я сказал, вероятно, несвязно и дико. Но я несколько взволнован. Простите. Я продолжаю. Нам, ворами по профессии, более чем кому-либо другому, известно, как делались эти погромы. Мы толкаемся повсюду: в кабаках, на базарах, в чайных, по ночлежкам, по площадям, в порту. Да, мы, именно мы, можем присягнуть перед богом, перед людьми, перед потомством, что мы видели, как грубо, не стыдясь и почти не прячась, организовала полиция массовые избиения. Мы их всех знаем в лицо – и одетых и переодетых. Они предлагали многим из нас принять участие, но никто из наших не был настолько подл, чтобы дать хоть ложное, хоть вынужденное согласие.

Вы знаете, конечно, как все слои русского общества относятся к полиции? Ее не уважают даже те, кто питается ее темными услугами. Но мы презираем и ненавидим ее втрое, в десять раз. И не за то, что многих из нас истязали в сыскных отделениях, в этих настоящих застенках, били смертным боем, били воловьими жилами и гуттаперчевыми палками, чтобы выпытать сознание или заставить предать товарища. Да, конечно, и за то. Но мы, воры, мы все, сидевшие в тюрьме, с безумной страстью обожаем свободу. И потому-то именно мы и ненавидим тюремщиков всею ненавистью, на которую способно человеческое сердце. Я скажу про себя. Меня трижды истязали полицейские сыщики до полусмерти. У меня отбиты легкие и печень. По утрам я кашляю кровью, пока не отдышусь. Но, если мне скажут, что я, пожав руку самого главного генерала от полиции, предотвращу этим такое же четвертое избиение, – я откажусь!

И вот газеты говорят, что из этих рук мы приняли деньги иудины, омоченные свежей человеческой кровью. Нет, господа, это – клевета, колющая нас в самую душу с нестерпимой болью. Ни деньги, ни угрозы, ни обещания не сделают нас наемными братоубийцами или их пособниками.

– Никогда! Нет, нет! – глухо зароптали сзади оратора его товарищи.

– Я скажу больше, – продолжал вор. – Многие из нас во время этого погрома защищали избиваемых. Наш товарищ, носящий кличку Сысой Великий, – вы его только что видели, господа, – квартировал в это время у еврея-шмуклера на Молдаванке. И он отстоял своего хозя-

ина с кочергой в руках против целой орды убийц. Правда, Сысой Великий обладает страшной физической силой, и это хорошо известно многим из обитателей Молдаванки, но все-таки согласитесь, господа, разве Сысой Великий не глядел в эти минуты прямо в лицо смерти? Другой наш товарищ-Мартын Рудокоп – вот этот самый, господа, – оратор указал на державшего сзади бледного бородатого мужчину с прекрасными темными глазами, – он спас старую незнакомую еврейку, за которой гналась толпа этой рвани. Ему за это пробили голову железом, сломали в двух местах руку и перебили ребро. Он только что из больницы. Вот как поступили наиболее пылкие и сильные духом. Другие дрожали от злости и плакали от бессилия.

Никто из нас не забудет ужасов этих кровавых дней, этих ночей, озаренных пламенем пожаров, этих женских воплей, этих неубранных, истерзанных маленьких детских трупов. Но никто из нас зато и не думает, что полиция и чернь – начало зла. Эти маленькие, глупые, омерзительные зверюшки – они только бессмысленный кулак, управляемый подлым, расчетливым умом, возбуждаемый дьявольской волей. . .

– Да, господа адвокаты, – продолжал оратор, – мы – воры и заслужили ваше законное презрение. Но когда вам, лучшим людям, понадобятся на баррикадах ловкие, смелые, послушные молодчики, которые сумеют весело, с песней и шуткой встретить смерть ради лучшего слова в мире – свобода, – неужели вы из-за застарелой брезгливости оттолкнете, прогоните нас?

Черт возьми! Во время французской революции первой жертвой была проститутка. Она вскочила на баррикаду и, подобрав с шиком платье, крикнула: «Ну-ка, солдаты, кто из вас посмеет выстрелить в женщину?» Да, черт! – воскликнул громко оратор и ударил кулаком по мраморной доске стола. – Ее убили, но, ей-богу, ее жест был великолепен и ее слова бесмертно-прекрасны.

Если вы в великую минуту прогоните нас, мы скажем вам, о незапятнанные херувимы: «А что если человеческие мысли обладали бы способностью ранить, убивать, лишать людей чести и имущества, то кто из вас, о невинные голуби, не заслужил бы кнута и каторги?» И тогда мы уйдем от вас и построим свою собственную веселую, смешную, отчаянную воровскую баррикаду и умрем с таким дружным пением, что вы позавидуете нам, белоснежные!

Впрочем, я опять увлекся. Простите. Кончаю. Вы видите теперь, господа, какие чувства вызвала в нас газетная клевета. Верьте же нашей искренности и сделайте что-нибудь, чтобы снять с нас это кровавое и грязное пятно, так несправедливо нас заклеившее, Я кончил.

Он отошел от стола и присоединился к своим товарищам. Адвокаты вполголоса о чем-то перешептывались, подобно тому, как это делают члены суда на заседаниях. Потом председатель встал и объявил:

– Мы безусловно доверяем вам и приложим все усилия, чтобы очистить имя вашей корпорации от этого тяжелого обвинения. Вместе с тем мои товарищи уполномочили меня выразить вам, господа, наше глубокое уважение за ваши горячие гражданские чувства. Я же, лично с своей стороны, прошу у представителя делегации позволения пожать ему руку.

И эти два человека, оба высокие и серьезные, стиснули друг другу руки крепким, мужским пожатием.

* * *

Адвокаты расходились из театра. Но четверо из них замешкались в передней около вешалок: Исаак Абрамович никак не мог отыскать своей новой желтой прекрасной шляпы-панамы. Вместо нее на деревянном кольшке висел суконный картуз, лихо приплюснутый с боков.

– Яша! – вдруг послышался снаружи, по ту сторону дверей, строгий голос недавнего оратора. – Яша, я тебе в последний раз говорю, черт бы тебя побрал!.. Слышишь? Ну?..

Тяжелая дверь распахнулась. Вошел джентльмен в песочном костюме. В руках у него была шляпа Исаака Абрамовича; на лице играла милая, светская улыбка.

– Господа! Ради бога простите. Маленькое, смешное недоразумение. Один из наших товарищей совершенно случайно обменял шляпу. Ах, это ваша? Тысячу извинений. Швейцар, что же ты, братец, зеваешь? А? Подай сюда вот эту фуражку. Еще раз простите, господа.

И с любезными поклонами, все с тою же милою улыбкой, он быстро вышел на улицу.

1906